

16+

Александр Титов

Сталин-Центр

Александр Викторович Титов

Сталин-центр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56997800

SelfPub; 2020

Аннотация

Максим Самохин – владелец успешной юридической фирмы, получающий доход не всегда законными способами. Однажды в его кабинет заявляется следователь с увесистой папкой уголовного дела. Однако упрятать Самохина за решетку он не торопится, а начинает вымогать у него заведомо неподъемную взятку. Когда становится ясно, что требуемых денег не наскрести, следователь принуждает Самохина к участию в весьма неожиданном мероприятии. Максиму предстоит, используя свои опыт и талант ко всякого рода махинациям, организовать компанию по сбору средств на строительство в центре Москвы музея Сталина. Полагая, что конечной целью следователя является только получение названной суммы, Самохин с размахом принимается за дело.

Роскошное кресло мягкой светло-коричневой кожи, вышивавшееся во главе роскошного дорогого письменного стола, занимал вполне себе еще нестарый мужчина в явно несвежей футболке и мятом пиджаке, надетом поверх нее, внешне совершенно непохожий на руководителя фирмы, в штате которой числится целая уйма высококлассных специалистов. И тем не менее он был им. Возможно, это обманчивое впечатление и послужило причиной моей первой ошибки: я крайне неосмотрительно расслабился.

Тем временем хозяин кресла с самым что ни на есть безразличным видом изучал мои документы. Просмотренные бумаги он, не закрывая, раскладывал возле себя, что вселяло в меня дополнительную уверенность. Не буду хвастать, но там действительно было на что посмотреть. Еще обучаясь в университете, я параллельно получил второе образование и успешно прошел стажировку в фирме из первой десятки в России, согласно рейтингу *WSJ*. То есть на моей стороне сейчас было не только лучшее из возможного в России образование, но и какой-никакой опыт его практического применения. Одним словом, во мне крепла уверенность, что облюбованная вакансия уже у меня в кармане.

Уверенность эта окрепла до таких размеров, что смысл предложения, прозвучавшего безо всякого предупреждения, дошел до меня не сразу.

– Убедите меня в том, что я должен взять именно вас, а

не одного из доброй сотни других претендентов, у многих из которых и образование получше, и опыта на порядок больше.

Я хоть и подготовился заранее к подобным вопросам, но все же немного опешил от неожиданности. Тех пары секунд, в течение которых я собирался с мыслями и набирал воздуха в грудь, хватило, чтобы мой собеседник, пристально, с фальшивым сожалением глядя на меня, заключил:

– Ну, вот видите? Или, может быть, в числе ваших знакомых есть кто-то из... ну, например, судей Верховного суда? – спросил он с едва прикрываемой издевкой и, не увидев моего утвердительного кивка, принялся закрывать документы и аккуратно складывать их в одну стопку.

Готовые уже вырваться из моего рта слова там и застряли. Я только и смог, что в полном недоумении уставиться на хозяина кабинета.

– Не стоит так сильно расстраиваться, молодой человек, у вас еще все впереди. Запаситесь терпением, наберитесь опыта, а потом приходите снова, и, может статься, наша следующая встреча окончится более результативно.

– Опыта?! Терпения?! – Я даже не узнал свой собственный осипший голос, прозвучавший вроде бы откуда-то со стороны. – Набраться опыта, говорите? Да я его только и набирался! Сначала чтобы поступить в университет, потом – чтобы его закончить, отстажироваться. Черт возьми! Вам нужен опыт или человек, способный решать необходимые за-

дачи? Мне нужна эта работа!

Чем больше я говорил, тем более громким становился мой голос. Промелькнувшее в глазах собеседника недоумение при первых моих словах быстро сменилось холодным взглядом и поддельно-вежливым выражением на лице. Он не стал прерывать мою истерику, равно как и отвечать на сказанные мною слова. Когда я выговорился, он лишь протянул мне мои бумаги и уткнулся в экран компьютера, пробормотав: «Сожалею».

Все было кончено. Быстро и жестко приземленный с высоты моих, как выяснилось, несбыточных мечтаний, я, горя благородным негодованием, вышел из кабинета, громко хлопнув дверью. Во время ожидания лифта и спуска на первый этаж во мне закипала нешуточная злоба, а я изо всех сил пытался сдерживаться. Но к тому моменту, когда я пересек роскошный холл и вышел через стеклянные двери на улицу, мое терпение лопнуло.

– Вы еще обо мне услышите! – громко сказал я, погрозив кулаком закрывшейся за мной двери.

Хотелось высказаться куда более обильно и цветисто, но я вовремя заметил смотрящего на меня в упор охранника, готового силой прервать мою речь. Пришлось замолчать, засунуть свои документы, которые все еще были у меня в руках, в портфель, развернуться и убраться восвояси, опустив голову.

Так как других собеседований у меня на этот день назна-

чено не было (впрочем, как и на все последующие), я направился напрямиком в ту каморку на окраине, которая служила мне пристанищем последнее время. Всю дорогу перед моими глазами то и дело всплывали сцены из состоявшегося разговора. Надо признать, что уверенности в себе они не добавляли. Зачем мне нужно было вести себя именно таким образом? Я нещадно корил себя, одновременно прикидывая, как действовать дальше. И к моменту, когда, выйдя из электрички, я направился в сторону дома, решение начать поиски другого места уже было принято. Ну не опускать же руки от первой, пусть и столь досадной, неудачи? Полученный отказ не должен выбивать меня из колеи, пусть даже эта фирма единственная, к работе в которой я стремился. Ничего страшного! Найду место еще лучше.

Занятый этими мыслями, я подошел к дому, поднялся на последний пятый этаж и уперся в приоткрытую дверь квартиры. «Ну неужели опять?» – проговорил я с досадой, но без удивления. Так и есть: доставшийся мне вместе со снятой комнатой сосед храпел, развалившись прямо на полу коридора. Судя по стойкому запаху перегара в квартире, шансов добраться хотя бы до кровати у него было и без того не очень много, а скомканный половик, послуживший непреодолимым препятствием, видимо, обнул и немногочисленные имевшиеся. Я окинул взглядом прихожую, заглянул в свою комнату и буквально заставил себя порадоваться отсутствию следов грабежа, затем закрыл и запер входную дверь.

Когда подобное случилось впервые, я, естественно, вел себя по-другому: безуспешно пытался привести этого мудака в чувство, пытался стыдить его, даже раздел и дотащил до постели. Теперь же (если быть точным, в третий раз) ограничился лишь пренебрежительным игнорированием бесчувственного тела.

Тело пришло в движение только поздним вечером. Закончив рассылать свое резюме во все фирмы и конторы, которые мне показались достойными моего внимания, я принялся готовить весьма запоздалый ужин. По всей видимости, моя суета и привела соседа в чувство. Дрожащий, словно побитая собака, он, разувшись по пути и (не без помощи волшебной силы великого и могучего русского мата) поправив скомканный коврик, прошел мимо меня, опустив голову, напрямиком к холодильнику. Послышалась возня и недовольное ворчание, сменившееся звуками долгих жадных глотков. Только опустошив досуха банку с рассолом, в которой уже давно не было огурцов, зато имелась пленка из плесени, сосед отошел от холодильника и уселся на табурет.

– Ты опять не закрыл дверь.

Вместо ответа, которого я как-то и не ожидал, он поднял на меня недоуменный взгляд, силясь, видимо, сообразить, чего я хочу от него. Просидев так, тупо уставившись в стену и дрожа всем телом, около получаса, он все-таки пришел к себе настолько, чтобы заговорить скрипучим сорванным голосом:

– А ты чего это еще не спишь? Тебе же завтра на собеседование идти.

Я кисло ухмыльнулся:

– Вообще-то, оно было сегодня.

– Да ладно! А что, сегодня уже среда?

– Уже четверг, – поправил я, посмотрев на часы. – Есть хочешь?

Он задумался, а потом с отвращением отрицательно качнул головой:

– У тебя курить нету? Хотя нет, ты же не куришь... Вот засада!

– Я в прихожке видел.

Проявив завидную в его состоянии расторопность, сосед вышел и вскоре вернулся с пачкой сигарет.

– Спасибо. – Высунувшись в открытое по случаю жары окно практически наполовину, он прикурил дрожащими руками и затянулся. – Когда ты выходишь на работу?

– Меня не приняли.

– Чего?! – Он аж поперхнулся и так зашелся кашлем, что чуть не выпал из окна. Потом повернулся ко мне и недоверчиво поинтересовался: – Ты же сейчас пошутил?

– Какие могут быть шутки? Видите ли, у меня недостаточно опыта... Козел... – добавил я в сердцах после небольшой паузы.

Сосед, словно пытаясь прогнать наваждение, тряхнул головой, отчего сразу же скривился – видимо, от пронзившей

голову боли.

– Макс, а с кем ты разговаривал? Может, стоит встретиться с самым главным? Не совсем же они идиоты – упустить такого юриста?!

– Горнин – человек, с которым я разговаривал, – и есть самый главный, – коротко объяснил я, сам удивляясь своему спокойствию, а потом высказал соображение, к которому пришел, пока чистил картошку: – Сдается мне, что им нужен далеко не опыт, а большие связи – единственное, чего у меня нет.

– Дела... – протянул сосед. – Но ты нос не вешай, в два счета найдешь себе работу. Черт с ними.

Мне, естественно, ничего не оставалось делать, как согласиться с этим.

Работу я действительно нашел, правда, со смешной зарплатой и только спустя два месяца монотонных собеседований, беспросветной череды отказов да набивших оскомину множества советов набраться опыта. К довершению моих мытарств я из-за неуплаты за комнату каждый день рисковал оказаться на улице, чему препятствовали только мои клятвенные обещания вот-вот рассчитаться. Из необходимых вещей у меня остались только приличный костюм да дорогой портфель. Даже с нормальным телефоном пришлось расстаться, заменив его по сходной цене на самую простую «звонилку». Одним словом, я был на грани полного краха и искренне возблагодарил Бога, когда оказался зачисленным

в штат (естественно, с испытательным сроком) микроскопической юридической консультации, в чьем штате кроме меня числились еще двое. При этом один из этих двоих был по совместительству еще и директором. Да! Так низко пали мои запросы. Безысходность быстро опустила меня от планки самонадеянного соискателя места в наикрутейшей адвокатской конторе до простого юриста, которому, скорее всего, предстоит лишь вписывать новые фамилии в готовые бланки.

Конечно, был и другой путь. Я легко мог за те же (а скорее всего, и даже за *большие*) деньги устроиться в полицию, мог стать охранником или, на худой конец, каким-нибудь дворником. Но разве я зря учился? К тому же едва ли не главной причиной, заставившей меня тогда искать работу по профессии, стало желание все-таки утереть нос господину Горнину и всем, ему подобным. Но тогда я этого еще и сам не понимал. В тот период жизни моя самооценка упала настолько низко, что истинные причины моего упрямства я осознал гораздо позже.

Однако уже в первый рабочий день я был готов плевать абсолютно на все и снова начинать поиски. А все из-за того, что мне стало ясно, чем занимается моя контора. Черные риелторы, коллекторы, автоподставщики – это, как выяснилось, были еще не самые яркие персонажи, встречавшиеся среди наших клиентов.

Первым моим заданием стало составление искового заяв-

ления на аннулирование сделки по приобретению квартиры. Причиной этому было появление на горизонте «родственника», несогласного с решением пожилой тетушки сбыть пустующую недвижимость. Я подготавливал необходимые бумаги, выясняя попутно сопутствующие обстоятельства, и в какой-то момент этот самый «племянник» словно между делом принялся давать мне советы, ссылаясь на многочисленный опыт подобных махинаций в прошлом. Я наострил уши, но решил никак не реагировать. Когда сомнений в том, что это махинация (и притом уж точно не первая), не осталось, я извинился и отправился к директору. Он как раз был свободен.

– Тебя что-то смущает? – выслушав мой краткий, но содержательный рассказ, вскинув брови и внимательно меня рассматривая, спросил он.

– Но это же явная махинация! – воскликнул я в недоумении.

– И? – спросил он, не дождавшись продолжения. – Разве это что-то меняет?

Выражение его лица красноречиво давало мне понять, что в данной ситуации он не видит ничего противоестественного. А еще в нем явно читался этакий шутливый интерес: как же ты поведешь себя, Максимка? С еще большим недоумением, которое постарался скрыть, я отрицательно покачал головой.

– Это все?

Последовал мой утвердительный кивок.

– Тогда иди работай.

Действуя больше по инерции, нежели сознательно, я отработал с этим клиентом, а весь остаток дня пришлось быть на подхвате у начальника. Это было понятно: он хотел изучить меня, прежде чем давать самостоятельную работу. Сдается мне, что и первый клиент был всего лишь лакмусовой бумажкой на мою честность и совесть.

Всю следующую ночь я провел без сна и к утру принял твердое решение искать другое место работы. Это меня несколько успокоило. Однако, когда прозвенел будильник, я собрался и, не отдавая себе отчета, отправился обратно.

Шло время, дни сменяли друг друга, мелькали месяцы, проносились года. Незаметно для самого себя я привык каждое утро наступать на горло собственной совести, продолжая упорно работать на том же поприще, прирастая богатством опыта, пресловутыми связями и солидным капиталом.

2

– Видите ли, Аскер Захидович, если брать по существу, то вы в данной ситуации, как бы это выразиться... не совсем правы... – мой голос звучал с сожалением и едва различимым намеком на некий скрытый смысл. То есть именно так, как и должен был. – Вы понимаете, о чем я говорю?

– Максим, мне порекомендовали вас в качестве челове-

ка, который в состоянии обыграть ситуацию таким образом, чтобы правда перешла на мою сторону, – вкрадчиво проговорил он, буквально сверля меня своими жгучими карими глазами.

Он изучал меня, я изучал его. Страх довериться в подобном щекотливом деле незнакомому человеку был понятен и предсказуем. Моя задача как раз и заключалась в том, чтобы собеседник преодолел эту стену, не теряя ощущения безопасности и уверенности, поэтому я действовал осторожно и неторопливо.

– Вас не обманули, – кивнул я, не пряча глаз и стараясь придать взгляду побольше обыденности, а голосу – доверительной уверенности. – Если разрешите, я несколько обобщу услышанное, чтобы вы могли удостовериться в том, что я вас правильно понял.

– Хорошо. – И он откинулся на спинку кресла.

– Вы являетесь собственником фирмы, которая на законных основаниях приобрела некую недвижимость одиннадцать месяцев назад. Естественно, все бумаги, доказывающие это, мы предоставим... – впервые сказанное мною в разговоре «мы» призвано было проверить, готов ли он к сотрудничеству. Отсутствие возражений показало, что готов, и я продолжил: – При попытке начать в здании ремонт для последующей сдачи площадей арендаторам выяснилось, что продавец оказался нечистоплотным и юридически здание принадлежит вовсе не вам.

Он недолго подумал над сказанными мною словами:

– А знаете, в такой интерпретации звучит гораздо лучше.

Ну а что же дальше?

Он снова придвинулся к столу. Лишившаяся природной смуглости кожа – не иначе как из-за долгого времени, прожитого в Москве; лицо с окладистой, тщательно ухоженной, обильно посеребренной бородой; холеные руки; дорогие костюм, часы, телефон; манера держаться, нагло-самоуверенная, – все это было рассчитано именно на то, чтобы производить впечатление.

– А дальше вам, как законопослушному покупателю, перейдет право собственности в полном объеме. Естественно, кое-где придется подтолкнуть, подмазать...

Мой собеседник воодушевлялся прямо на глазах. Сделав небольшую паузу, я позволил поработать его воображению, а потом, все так же не опуская взгляда, продолжил:

– Надеюсь, вы понимаете, что цена моих услуг, включая сопутствующие расходы, выйдет не самой демократичной?

Расчет оказался верен. Теперь он был целиком в моих руках.

– Положим, об этом мы сумеем договориться. – Его глаза заблестели. – Но вы же понимаете: мне нужны кое-какие гарантии...

Дальнейшее было для меня уже делом техники. Спустя час я уже мчался в сторону офиса, попутно раздавая команды по телефону. Предприятие предстояло хоть и сложное,

но уже вполне привычное. Ну и пусть этот азербайджанец фактически силой захватил здание, принадлежащее детскому дому, а я этот произвол сделаю законным. Что с того? Деньги не пахнут.

Несмотря на то что был уже вечер пятницы и других дел мне не предстояло, я не поехал домой, а направился в офис. Насущной необходимости поступать так у меня не было, ведь механизм был уже запущен и моего вмешательства пока не требовалось. Но дома никто не ждал, а проводить вечер в одиночестве желания не было.

В офисе царила привычная суета, разве что слегка разбавленная ожиданием заветных выходных. Кабинеты, переговорные, обставленные добротной массивной мебелью, дорогие костюмы, сшитые на заказ, и длинноногие миловидные секретарши – все было подобрано специально, чтобы внушать доверие таким, как недавно оставленный мною горе-торговец недвижимостью. Зачастую среди моих клиентов встречались и куда более крупные рыбы. Одним словом, я вынужден был содержать свой пышный, практически королевского вида двор, хотя и ясно осознавал его бесполезность в подавляющем своем большинстве.

– Галь, есть что-то срочное для меня? – осведомился я у своей помощницы – едва ли не единственного ценимого мною сотрудника.

Она посмотрела на меня с плохо скрываемым раздраже-

нием и даже с каким-то презрением, а потом отрывисто, с нажимом ответила:

– Нет.

Если бы кто-то другой из моих подчиненных посмел вести себя подобным образом, я бы тут же, не задумываясь, его уволил. Но поступить так с Галиной у меня не хватило бы совести. Быть может, была этому и кое-какая другая причина, но о ней я и сам старался не думать.

Безусловно, зная об этой моей слабости, она ею иногда пользовалась. Хотя, надо отдать ей должное, происходило это не так уж и часто. Я остановился и уставился на нее, силясь понять, что могло вызвать подобные эмоции. Но она повернулась к своему монитору и принялась лихорадочно стучать по клавиатуре.

– Так не годится! – заявил я, когда так и не смог понять причину. – Пойдем поговорим начистоту.

Едва скрывая злость, теперь уже явно заметную, она молча встала и прошла к двери моего кабинета. Я поспешил открыть ее и пропустить Галину вперед.

– Максим, я помню тебя робким, чисто плотным мальчиком, который не вступал в сделку с собственной совестью, – начала она, как только за мной закрылась дверь. – Когда ты успел превратиться в такую мерзкую тварь? Что вообще ты возомнил о себе?

Впервые я слышал от нее такие слова. Конечно, у нас и раньше случались некоторые разногласия, но чтобы дошло

до такого... Нельзя было списать этот всплеск и на истерику: говорила она ровно, явно сдерживая себя. Я стоял в полном недоумении.

– Ну что же ты молчишь? А? Расскажи мне!

– Да что ты вообще несешь?! – не выдержал я беспричинных нападков.

– Ты еще спрашиваешь?!

Тут ее нервы сдали. Задрожал подбородок, предательски заблестели глаза, плечи затряслись в такт рыданиям. Все еще не понимая, что происходит, я подошел к ней и коснулся плеча.

– Убери свои руки! – выкрикнула она и, словно стряхивая с себя вызывающее лишь отвращение насекомое, сбросила мою руку. – Я увольняюсь.

Тут уже не выдержал я сам. Рывком поднял ее лицо и заставил посмотреть на меня.

– Что происходит, в конце концов? Объясни мне!

Казалось, после этого она пришла в себя.

– Я многое терпела: и когда ты в самом начале прикрывал задницы автоподставщикам, и когда защищал этих, с позволения сказать, букмекеров, и даже когда связался с нефтяниками. Да мало ли что еще! Но тут! Самохин, ты в своем уме? Это же детский дом! Дети! Понимаешь?

Меня словно мокрой рыбиной по лицу ударили. Я искренне не понимал причину этой истерики:

– Но это же не то здание, где они живут...

– Да какая разница?.. – прервала она меня и, наверное увидев в моих глазах непонимание, махнула рукой. – Я не хочу тебя больше видеть.

И она ринулась к выходу. А возле него все еще стоял я, поэтому преградить ей путь не составило никакого труда. Мною овладел гнев.

– Ты не хочешь меня видеть? Ты? Да наоборот! Скройся с моих глаз! Ты уволена!

Я мог бы еще продолжить бушевать, но она не предоставила мне ни единого шанса: вскинув голову, улыбнулась и, грубо оттолкнув меня, словно какую-то грязь, вышла. Хлопнула дверь.

Весь мой заряд злобы моментально улетучился. «Скатертью дорожка!» – проговорил я сквозь зубы и, пройдя по кабинету, уселся за свой стол. Спустя несколько минут работа уже полностью поглотила меня. А через пару дней и место Галины заняла новая секретарша.

3

– Куда ты лезешь?! – опустив стекло, крикнул я какому-то олуху на ржавой «девятке», пытающемуся перестроиться прямо передо мной. – Жди своей очереди!

Рыкнув мотором, мой «порше» продвинулся вперед в пробке, не дав обруганной мною «девятке» завершить маневр. Мне, естественно, никто не возразил: с водителями таких машин обычно не спорят. Раздалась мелодия телефон-

ного звонка.

– Да! – Я ответил, прикрыв окно, чтобы не было посторонних звуков.

– Максим Сергеевич, у нас возникла одна проблема. Требуется ваше участие, – встревоженно проговорил один из моих сотрудников.

– Неужели сами не справитесь? А, Эдик?

– Боюсь, что нет.

– Рассказывай, – смирился я, вздохнув, но, оценив излишнюю официальность тона, которым он со мной разговаривал, спросил: – Или мне лучше самому подъехать?

– Я думаю, это будет правильнее всего. – И после небольшой паузы как-то немного странно добавил: – И чем быстрее, тем лучше.

– Хорошо. Еду.

Задаваясь вопросом о причине, вызвавшей столь срочную необходимость моего вмешательства, но, впрочем, не сильно переживая на этот счет, я, включив поворотник и не обращая никакого внимания надвигающиеся с черепашьей скоростью другие машины, развернулся прямо через двойную сплошную и покатил в обратном направлении.

Той самой причиной стал визит следователя из отдела по борьбе с экономическими преступлениями. Подобные визиты были не настолько редкими, чтобы вызывать панику у меня или моих сотрудников, но я предпочитал принимать в таких беседах, одна из которых должна была сейчас состоять-

ся, личное участие.

Прежде чем зайти в свой кабинет, где меня, должно быть уже позевывая, дожидался отнюдь не долгожданный гость, я выслушал короткий рассказ Эдика.

– Пришел. Представился. Сказал, что хочет поговорить с вами. На вопрос, могу ли я чем-то помочь, ответил отрицательно. Я вызвал вас и проводил его в кабинет, чтобы не терся в приемной среди клиентов.

– Молодец. Все правильно сделал, – потрепал я его по плечу и, попросив новую помощницу сделать мне кофе, глубоко вдохнул и отворил дверь.

Картина, которая предстала перед моими глазами, несколько меня обескуражила и заставила насторожиться. Следователь практически лежал в моем кресле, взгромоздив ноги на стол.

Само по себе такое поведение не сильно противоречило естеству некоторых типажей, нет-нет да и встречающихся в органах следствия. Станным было другое: уж больно дорогими были ботинки моего визитера. Они были явно не по карману не то что простому следователю, но и любому живущему честно генералу. Этот факт хоть и говорил о многом (например, о том, что взятка возможна и даже весьма желанна), но наряду с этим ставил и множество других, уже безответных вопросов о ее размере и способах получения. Все эти мысли молниеносно пронеслись в моей голове, вызвав живой интерес, с которым я и рассматривал гостя.

Он, в свою очередь тоже окинув меня оценивающим взглядом с ног до головы, нехотя опустил ноги на пол и хозяйским жестом указал на пару кресел, предназначенных для посетителей. Я проигнорировал этот жест и подошел к окну, остановившись вполборота к гостю – давно вышел из того возраста, чтобы с радостью исполнять чужие прихоти.

– Удобно? – едко поинтересовался я, поняв, что начинать разговор первым визитер не собирается.

– Признаться, минуту назад было гораздо удобнее, – отозвался он ленивым голосом. – Меня зовут Григорьев Михаил Иванович. Следственный комитет. А вы так и будете стоять у окна, Максим Сергеевич?

– Ну, это зависит, в частности, от того, какое дело вас привело ко мне, Михаил Иванович.

– Тогда вам лучше присесть. – Он повторил свой жест.

Ситуация, и без того непонятная, превратилась в совершенно глупую: оставаться вот так вот дурачком стоять у окна дальше представлялось совершенно невозможным, но и выполнить, по сути, команду следователя (или кем он там на самом деле являлся) означало заранее без боя признать свое поражение. Мое положение спас кофе, который как нельзя более кстати принесла секретарша. Небрежно взяв единственную чашку с серебряного подноса и не выказывая никаких эмоций, я подошел к своему столу и сел прямо на то место, где еще совсем недавно покоились ноги непрошеного гостя. Таким образом, первый раунд был сыгран вничью.

– Итак?

Вместо ответа гость потянулся куда-то за спину и, подтащив к себе поближе портфель, в отличие от обуви потрепанный и заведомо дешевый, извлек из него какие-то бумаги:

– Прочтите.

Поставив чашку на стол, я взял бумаги и принялся их бегом просматривать. И то, что в них было, меня совершенно не обрадовало. Чем дальше я листал, тем понятнее становилась наглость, с которой гость себя вел, – несомненно, я был у него на крючке. Фактов, содержащихся в этой папочке, с лихвой хватало, чтобы засадить меня за решетку на добрый десяток лет или даже больше. При этом, могу поклясться, кое-каких из содержащихся в ней сведений не мог знать никто из ныне живущих. Это меня несколько смутило. Однако, не подавая вида, я небрежно отбросил бумаги на стол и вновь взял в руки чашку.

– Я давно за вами наблюдаю, – разглядывая меня исподлобья, мягко сказал гость.

– У судьи возникнет законный вопрос: почему в таком случае вы не пресекли мою, якобы незаконную, деятельность раньше? Молодой человек, не стоит думать, что меня легко купить на эту пустышку. – Я кивнул в сторону бумаг. – Тут нет ни одного прямого доказательства, да и косвенные не выдерживают никакой критики. Я работаю честно, и бояться мне нечего. А теперь прошу меня больше не отвлекать.

На губах следователя заиграла улыбка сожаления. Он под-

нялся с моего кресла, подошел вплотную ко мне и на ухо тихонько произнес:

– Я найду к вам в течение нескольких ближайших дней.

– Что ж... Если желаете зря потратить ваше казенное время... – холодно проговорил я, не поворачивая головы, сделав акцент на слове «казенное».

Как только за посетителем закрылась дверь, я просто рухнул в свое кресло. Минут сорок ушло на более внимательное изучение бумаг, так и оставшихся лежать на столе. Все было более чем серьезно, и следовательно, как и мне, это было известно. Очевидно, что он оставил меня мариноваться в своих мыслях лишь для того, чтобы при следующей встрече я был более сговорчивым.

Первой моей панической мыслью после осознания всей глубины той ямы, в которую я угодил, было желание максимально быстро и как можно дальше улететь. Правда, от этого намерения пришлось сразу же отказаться: при первой же попытке воплотить это в жизнь меня бы сразу же спеленали. А так у меня еще был шанс.

Собрав мысли воедино, я вызвал своего начальника охраны, а когда тот вошел, молча вручил ему листок, на котором написал просьбу немедленно проверить все наши помещения на «жучки» и скрытые камеры. Пробежав бумагу глазами, начальник кивнул и тут же вышел. Часом позже, пережив форменный обыск кабинета, затронувший даже внутренности моего кресла, я увидел своего подчиненного снова.

– Все чисто, Максим Сергеевич. Сейчас дополнительно проверяем компьютеры и хранилища, но сдается мне, что результат будет тот же.

Я с закрытыми глазами молча выслушал доклад.

– Нужно усилить вашу охрану? Или, может, эвакуировать вас в безопасное место?

– Сбежать предлагаешь? – так же продолжая смотреть в сторону, спросил я. – Нет. Ничего не нужно. Спасибо.

Начальник охраны вышел. Звук закрываемой им двери вывел меня из состояния задумчивости. Я пришел к выводу, что у меня сейчас недостаточно данных для принятия каких бы то ни было решений, а значит, лучшее, что можно предпринять, – это продолжать действовать так, словно ничего не произошло. Весь остаток дня я так и делал.

Вопреки моим ожиданиям, господин Григорьев не появился ни на следующий день, ни в течение всей рабочей недели. Надеждой, что он отстал от меня навсегда, я себя не тешил, так что, когда во время моего обычного воскресного посещения тира рядом со мной раздался знакомый голос, мне стало даже как-то спокойнее.

– Здравствуйте, Максим Сергеевич. Рад вас видеть снова.

– Не могу сказать, что это взаимно, – проговорил я, продолжая целиться из своей двуствольной «Беретты» в мишень. – Разве мы не завершили наш разговор в прошлый раз?

– О нет! Что вы!

Я выстрелил дуплетом и, не проверяя точности попадания, повернулся к Григорьеву.

– Михаил? Я же правильно помню? – Он утвердительно кивнул. – Ну чего вы от меня хотите? Только не надо лукавить. Если бы у вас в планах было заставить меня отвечать по закону, вы бы действовали совсем не так. Чего вы хотите?

Его извечная улыбка стала чуточку лукавее. Он быстро осмотрелся и коротко ответил:

– Деньги.

По тому, как он это произнес, я понял, что опасаться микрофона в его одежде не стоит и можно говорить более-менее свободно. Кроме того, непрерывный грохот выстрелов должен был служить отличной защитой от посторонних ушей.

– Все так просто? А почему с меня? Ведь у меня не крутится по-настоящему больших денег, я же всего лишь юрист.

– Так-то оно так... Да вот только вы чертовски хороший юрист. С баснословными гонорарами, да к тому же еще и нечистоплотный. Поверьте, именно вы способны меня удовлетворить.

Я пожал плечами и, переломив ружье, принялся вынимать стреляные гильзы.

– Мне даже интересно: как именно?

– Вы, к примеру, можете собрать деньги со своих клиентов. Они ведь больше вас заинтересованы сохранить свои тайны, – коротко ответил он.

От удивления у меня даже рот открылся и довольно дол-

гое время не получалось найти подходящего ответа.

– Да ты, вообще, в своем уме, Григорьев? Это ж мой верный конец! Представляешь, что будет, когда я скажу своим клиентам, что не смог сохранить конфиденциальность? Это просто невозможно!

Вместо ответа он протянул мне салфетку с написанной на ней суммой. Видимо, мои глаза округлились еще больше.

– Мне все равно, что с вами будет, – сделав ударение на слове «вами», отчетливо произнес он. – Если не хотите в тюрьму, включите голову. А даже если вы и вся ваша контора перестанете существовать, от этого только польза будет. Пробовать сбежать не советую. – Говоря это, он как-то недобро улыбался. – У меня всё. Даю ровно месяц.

И он ушел, оставив меня в состоянии шока.

Естественно, я узнал всю подноготную этого полоумного вымогателя. Но как бы глубоко я ни копал, найти его ахиллесову пяту не получалось. Среди моих многочисленных связей не нашлось той, которая смогла бы оказать на него влияние. Не берусь судить, в силу каких обстоятельств, но он был совершенно недосыгаем. Выяснив это, я уже готов был явиться с повинной и постараться выторговать свободу, сдав с потрохами этого господина Григорьева. Но чем больше я о нем узнавал, тем неосуществимей становился и этот план. Следователя просто невозможно было заподозрить хоть в чем-то, кроме ношения дорогих туфель, что, естественно, законом не запрещалось. Его биография была

кристально чистой. Ни собственности (он даже действительно жил в ведомственном общежитии), ни родственников, ни друзей, внезапно разбогатевших за время его служебной деятельности. Можете быть спокойны, уж я-то проверил все на совесть. При таком раскладе мой план был обречен на провал, ведь никаких доказательств у меня не было. Как не было и надежды, что он подставится при получении денег.

С другой стороны, не мог я воспользоваться и его «советом» собирать откуп со своих клиентов по одной, но весьма значительной причине: меня бы просто-напросто закопали – в буквальном смысле слова. Впрочем, точно такой же конец меня ожидал и в случае, если делу дадут официальный ход. Тогда я бы потянул за собой слишком длинную вереницу серьезных людей, для которых самым очевидным выходом было бы просто навсегда избавиться от меня.

Ситуация складывалась какая-то уж совсем безвыходная, так что мне ничего не оставалось делать, как пренебречь предостережением относительно попытки сбежать. Первый порыв взять руки в ноги возник по истечении первой недели после разговора в тире. Именно тогда стала полностью очевидна невозможность выпутаться из этой истории живым. Я уже даже сумку упаковал, сел в машину, чтобы ехать в аэропорт, но в последний момент передумал. «Какого черта? – сказал я себе. – Нужно подготовиться получше!»

И я взялся за подготовку. Первым делом я продал свою фирму. Получилось за копейки, зато быстро. Покончив с

бизнесом, я принялся за все остальное. В итоге за два дня до окончания отпущенного мне срока у меня во владении ничего не осталось: ни машин, ни квартир, ни дома. Правда, появилась приличная сумма (к слову сказать, только четверть того, что требовал Григорьев, но за такой короткий срок продать дороже было попросту нереально) да паспорт гражданина Греции на чужое имя. Я от души надеялся, что об этом приобретении никому не стало известно. Иначе все мои усилия рисковали оказаться напрасными.

Но, даже завершив все дела, опрометью в бега я не бросился: всему должно быть свое время. Отсутствие выдержки в такие моменты чаще всего и является причиной неудачи.

Оставшиеся два дня я безвылазно провел в номере недорогого отеля, либо смотря бестолковый телевизор, либо изучая вид, открывавшийся из окна. Даже еду просил приносить мне в номер. Впервые за несколько лет мне выпала возможность побыть наедине с самим собой. С того самого моего первого рабочего дня я всеми силами сторонился праздности. Причиной этому поначалу была собственная совесть, которая превращала любое уединение в самый настоящий ад. Со временем моя душа все больше и больше покрывалась черствой коркой безучастности, что исключало саму возможность внутренних терзаний.

Сейчас же для меня наступило время перемен. Прошлая жизнь бесповоротно завершилась, а о новой мне было даже страшно думать. Я сидел у окна и просто смотрел на спеша-

щих людей, на вереницы машин, на не знающий остановок в своей суете город. Казалось, сама судьба извлекла меня из этого нескончаемого потока, находясь в котором невозможно думать, и ткнула носом в реальность. Весь окружающий мир предстал передо мной в отвратительном своим откровенным лицемерием свете. Почему, например, неуч, сидящий в своей дорожке тачке, купленной на заработанные перепродажей китайского ширпотреба деньги, откровенно глумится над пешком переходящим дорогу доктором наук, который, имея возможность предложить стране, ну, скажем, новый, революционный метод выращивания хлеба, стал никому не нужен? Почему разбогатевший на продаже по частям бандитски приватизированного советского завода бывший партийный деятель средней руки, ни разу в жизни не ударивший палец о палец, мнит себя человеком высшего сорта, нежели сварщик, отдавший свое здоровье и молодость этому самому заводу, а теперь вынужденный влачить жалкое существование, работая охранником в супермаркете? Почему узбек, среди бела дня в девяносто первом насильничавший на задней площадке автобуса беззащитную девушку только за то, что она русская, требует нынче равных прав, но не у себя в Ташкенте, а тут, в Москве? Почему процветали такие, как я и Григорьев, падальщики по своей натуре, а честный человек как вид был обречен на постепенное вымирание? Не иначе как мир перевернулся с ног на голову. А ведь я сам служу инструментом еще большего «переворачивания»

и расслоения. Вернее, служил до недавнего времени... хотя разве это что-то меняет?

Словно находясь в каком-то трансе, я все думал и думал, не в силах заставить себя отвлечься на что-то. Так эти два дня и прошли. Нетерпение, владевшее мною вначале, исчезло, сменившись чувством какой-то обреченности и опустошенности.

– Максим Сергеевич, вы неважно выглядите. Расстроены чем-то? – приветствовал меня появившийся будто из ниоткуда Григорьев.

Я ждал его появления весь день, просто бесцельно слоняюсь по дорожкам ВДНХ с пухлым портфелем через плечо, но его появление все равно застало меня врасплох.

– Сейчас ты тоже расстроишься: мне даже половины суммы собрать не удалось.

Но он, казалось, совершенно не огорчился, а, наоборот, заулыбался еще шире. Лет сорок на вид, высокий рост. Такое простое, открытое, располагающее к себе лицо, гладко выбритые щеки, короткая стрижка, а глаза... Словно детский ясный, пытливый взгляд, который заставил меня поежиться.

– Ну... Придется дать вам небольшую отсрочку. – Глядя на меня в упор, он ободряюще подмигнул. – Так что не нужно так переживать.

– Ты не понял?! – вспыхнул я, не в силах больше сдерживаться. – Мне неоткуда взять больше! Понимаешь? Дай мне

еще хоть год – мне все равно не насобирать полностью. Так что забирай все, что есть, и оставь меня в покое!

Я сорвал с плеча портфель и принялся совать его в руки следователю. Но он отскочил от меня, словно от прокаженного, подтвердив тем самым мои опасения насчет невозможности уличить его в получении денег.

– Вот этого делать не стоит, Максим Сергеевич! – Его голос моментально стал холодным, и в нем появились приказные металлические нотки.

Мои руки вмиг опустились как по команде.

– Мне от вас нужно именно столько, сколько я указал, и ни копейкой меньше. И все сразу, а не частями.

Я обреченно покачал головой и без сил опустился на первую попавшуюся лавочку.

– Как ты прикажешь мне это сделать? Скажи мне! Ты хоть представляешь, какие это огромные деньги?! А у меня уже ничего не осталось, все здесь уместилось. – Я похлопал по портфелю, лежавшему у меня на коленях.

– Если бы я все знал сам, к вам бы уж точно не обратился, – снова ставшим нормальным голосом проговорил следователь и уселся рядом со мной.

– Ну а что ты с ними собрался делать? Чтобы потратить столько, нужно порядком попотеть, да и то, наверное, до конца не растратишь.

Мне вдруг стало интересно, что же он ответит. Он не закатил мечтательно глаза, как делают все жаждущие богатства,

а сидел и смотрел прямо вперед.

– Боюсь, что вы меня сейчас не поймете, Максим Сергеевич. Или, может, называть вас Николас? – назвал он имя из ожидавшего меня в камере хранения нового греческого паспорта.

Сказать, что этим вопросом он застал меня врасплох, – не сказать ровным счетом ничего. У меня похолодело внутри. Как он мог об этом узнать? Сколько ни старайся уменьшить количество людей в цепочке и ограничить их информированность на минимальном уровне, всегда найдутся те, кто увидит всю картину целиком. Не иначе как кто-то из них проговорился. Эта и другие мысли плясали в моей голове, создавая самую настоящую панику. Видимо, мое состояние, которое просто невозможно было скрыть, позабавило следователя. Он долго с интересом изучал меня, а потом хлопнул по плечу.

– Ну ладно! Так и быть. – Словно делал мне одолжение. – Я поручу вам кое-какую работу, по окончании которой мы разойдемся.

И он замолчал, продолжая внимательно следить за моей реакцией. А до меня сказанное дошло не сразу, но, когда дошло, показалось настолько абсурдным, что я уставился на него ошарашенными глазами. Истолковав это как сигнал продолжать, он заговорил вновь:

– Скажу честно: работка не из легких, но вам она по плечу. Собственно, именно поэтому и состоялась наша встреча.

На сегодня всё. За более точными инструкциями попрошу прибыть завтра. Адрес узнаете позднее.

4

Адрес я действительно узнал позднее. И весьма банальным образом.

Мне ничего не оставалось делать, как направиться в ту же гостиницу, в которой я провел последние два дня. Уже в ее дверях путь мне преградила пожилая женщина с циничным лицом, какие бывают у трамвайных кондукторов.

– Куда прешь? – грубо спросила она, удостоив меня презрительным взглядом. – Места, что ли, мало?

Не имея возможности пройти с ней одновременно, я был вынужден отступить и дать ей выйти первой.

– Мне кажется, для вас на вахте оставлено сообщение, – совершенно неожиданно бросила она мне вслед пренебрежительным голосом.

Удивившись про себя, я все-таки подошел к девочке на ресепшен, который тетка старомодно перекрестила на свой лад. Сообщение меня действительно дождалось.

– А не вот эта ли «милая» тетечка, с которой я столкнулся на входе, оставила его? – выделив слово «милая», поинтересовался я у девочки.

В ответ она с пониманием утвердительно кивнула.

Я еще толком не отошел от встречи с Григорьевым, а тут еще что-то новое наваливается. Или не новое? На разверну-

том листке обнаружили напечатанный адрес и время.

– Во что же это я такое вляпался? – удрученно проговорил я себе под нос и, засунув бумажку в карман, снова направился к входу в гостиницу.

Сомневаться в том, что записка была адресована именно мне, не приходилось, поэтому на следующий день, ровно к назначенному времени, я прибыл на место. По указанному адресу возвышалась пятиэтажная автостоянка, поблекшая и неприглядная, по первому впечатлению, наверное, и вовсе заброшенная. Так как передвигаться мне теперь приходилось отнюдь не в комфорте собственной машины, а, как и всем простым смертным, пешком, то добрался я в значительной степени взмыленный и порядком разозленный.

Руководствоваться в дальнейшем маршруте было нечем, поэтому, немного осмотревшись, я просто взял и вошел в главные ворота, однако дальше въездной площадки идти не решился. Несмотря на впечатление запустения, которое создавалось снаружи, внутри имелись красноречивые свидетельства обратного: более половины мест, четко разграниченных не иначе, как свежей краской, были заняты машинами. Из одной и вышла та самая тетечка, которая оставила мне записку.

– Вы вовремя, Максим Сергеевич, – похвалила она. – Здравствуйте.

Сохраняя каменное выражение лица, я подошел к ней.

– Давайте немного прокатимся. – И она повелительно ука-

зала на машину.

Машина не подходила этой женщине так же сильно, как и она сама нелепо выглядела в роли заговорщицы. Ну, посудите сами, как слегка полноватая женщина лет шестидесяти, одетая в провинциально-цветастое одеяние, может сочетаться с наглухо тонированной и основательно заниженной черной «приорой»? Однако очевидный контраст ни в коей мере ее не смущал. Более того, она загрузилась в ярко-красное спортивное водительское сидение с завидной сноровкой, свидетельствующей о значительной практике в этом деле. Я пожал плечами и уселся на переднее пассажирское стандартное сидение. Кроме нас, в машине никого не оказалось.

Глушитель, как и следовало ожидать, оказался не родной, а гораздо более громкий. Пробудив среди голых бетонных стен оглушительное эхо, мы под визг шин выехали на улицу.

– Чего вы от меня хотите добиться? – стараясь перекричать рев выхлопа, задал я единственный терзающий меня вопрос.

– Я вам все расскажу, – успокаивающе заверила она. – Но для начала давайте проведем небольшой эксперимент. Он не отнимет у нас много времени.

Мне ничего не оставалось, как молчаливо согласиться на это, и вскоре мы лихо припарковались на стоянке у железнодорожной станции. Я вновь удивился той скорости, с которой она выбралась из машины, и сам поспешил последовать ее примеру. Тетечка этакой слегка утиной походкой просе-

менила к багажнику, открыла его и, погрузившись туда, принялась копать. После недолгих поисков она извлекла два черных пакета и, взвесив на руках, передала один мне.

– Сейчас сядем в электричку и пойдем по вагонам. Первый пройдете со мной – посмотрите, что я делаю. Ну а дальше самостоятельно. Пошли.

– Э... Постойте... – начал было я, но она нетерпеливо отмахнулась и ринулась в самую гущу толпы.

Едва мы успели, обзаведясь билетами, выйти на платформу, как подошла электричка. Тетечка втиснулась в первый вагон, я, естественно, последовал за ней. Как только электричка тронулась, моя спутница извлекла из пакета черный платок, какую-то икону и ящик с прорезью в крышке. Повязав платок на голову, отчего стала похожа на взаправдашнюю монахиню, она пошла по вагону, пронзительно прося пожертвовать на строительство какого-то храма. Я плелся за ней, делая вид, что мы не вместе. В тамбуре она перестала орать и обратилась ко мне:

– Обождите, пока я не пройду вагон, а потом идите сами. В пакете все необходимое. Встретимся в последнем вагоне.

И она двинулась дальше. А я заглянул в пакет.

Там была небольшая кумачовая подушка, портрет Сталина и коробка для сбора денег с надписью: «Музей тов. Сталина». Я извлек подушку, водрузил на нее портрет, коробку взял в другую руку, а пакет сунул в карман и, тяжело вздохнув, отправился вперед.

– Товарищи! – громко обратился я к пассажирам. – Наша организация занимается сбором средств на создание в Москве музея генералиссимуса товарища Сталина! Нам кажется несправедливым, что человеку, отстаившему нашу Родину, преданному своей стране и оболганному неблагодарными потомками, до сих пор не посвящено ни одного музея. Пришло время восстановить историческую справедливость!

Сам не знаю почему, но я говорил пылко и вдохновенно. Слова будто сами собой лились из меня ровным, уверенным потоком. В них начала проявляться какая-то живая сила, придававшая всей речи недоступную ранее правдивость. Ораторское вдохновение нередко посещало меня и прежде на многочисленных судах, где мне приходилось выступать. Все без исключения эти заседания завершались моими победами. Но ни одна из них даже рядом не стояла с этой. Сейчас все было совершенно по-другому. Возвышенной, что ли, ярче, убедительней. Я даже ужаснулся, когда подумал, что, может быть, все дело отнюдь не во мне, а в тематике выступления?..

Удивительным было и то, что на меня глазел абсолютно весь вагон. Даже те, кто сидел спиной, выворачивая шеи, смотрели на меня. Некоторые глаза выражали недоумение и откровенную ненависть, но их было не много. Гораздо больше людей – причем самого разного возраста – смотрели с неподдельным интересом и каким-то, что ли, воодушевлением. А вот безразличных людей я даже и не заметил.

Пока я медленно двигался по вагону, непрерывно подставляя коробку под протягиваемые со всех сторон деньги, меня буквально засыпали вопросами о том, где будет музей, когда будет, какой он будет и почему бы не запустить рекламу на телевидении. Серьезным, доверительным, громким голосом я отвечал первое, что приходило в голову, стараясь придать ответам больше убедительности.

То и дело напарываясь на отдельные взгляды, полные ненависти, я с опаской ожидал других вопросов и высказываний – гневных и злобных. Но их, к моему искреннему недоумению, не появилось. Видимо, перевес оказался на стороне положительно воспринявших предложение пассажиров, а противники просто побоялись высказать противоположную точку зрения.

В каждом следующем вагоне история повторялась. Раз за разом я добавлял в свою речь новые детали, которые только подогревали интерес слушателей. Да что там интерес?! В последнем вагоне я и сам уже практически верил в каждое произнесенное слово. Поднялся такой ажиотаж, что тетечка, к счастью быстро сообразившая, что мне нужна помощь, буквально вырвала меня из цепких рук потенциальных спонсоров и выволокла на платформу.

Стоит сразу поставить точки над «и»: сам я ни в коей мере не поддержал бы создание этого музея. По моему глубокому убеждению, таким людям, как Сталин, вообще не стоило появляться на свет. Наверное, именно поэтому эффект,

вызванный моими речами и портретом поверженного вождя, вызвал мое крайнее удивление и основательно выбил меня из колеи. Я просто не ожидал такой реакции.

Назад мы ехали молча и не давая больше концертов. И только когда наконец снова оказались в машине, она попросила меня пересчитать содержимое коробки. Все еще находясь под впечатлением, я безропотно выполнил просьбу. Там было больше ста тысяч.

– А на церковь дали всего полторы тыщи... – притворно сокрушаясь, сказала она, а потом, вновь став серьезной, добавила: – Хотя, может, это и оттого, что ты толкнул знатную речь... Я слышала, как ты говорил в последнем вагоне. Впечатляюще!

– Так я вам нужен, чтобы собирать подаяние в электричках? – злорадно предположил я, начисто проигнорировав похвалу и момент перехода на «ты».

– Что-то вроде этого, – внимательно рассматривая меня, серьезно кивнула она. – Только малость в больших масштабах.

– Нет, нет и нет! Как вы это себе представляете? – Мои нервы не выдержали абсурдности положения, в которое меня пытались поставить. – Это же не по электричкам дедушек и бабушек лопошить. Вы хоть представляете, сколько дерьма обрушится на наши головы?! Когда я шел по вагону, встречались люди, по глазам которых было видно, что они меня

готовы убить только за одно упоминание о Сталине. И если, находясь среди людей, большинство из которых действительно меня поддерживали, они попросту трусили вступить в спор, это еще не значит, что они не всадят нож в спину, когда... – Я закашлялся. – Если вы заставите проверить это в большем масштабе... Сталин не та тема, с которой можно шутить.

– Зато какая благодатная... – взвешивая в руке пачку денег, извлеченных из моей коробки, и задумчиво рассматривая меня, медленно проговорил Григорьев.

Мы вновь находились на той самой стоянке. Некоторые места были превращены владельцами в самые настоящие гаражи – видимо, никто не возражал по поводу появления в некоторых местах не предусмотренных проектом стен и ворот. В одном из таких самодельных помещений, с виду ничем не отличающемся от остальных, мы сейчас и располагались. Вообще-то вход был в ворота одного гаража, но логово этих аферистов простиралось на целых три, соединяющихся между собой проделанными в смежных стенах проходами. Внутреннее убранство было под стать небогатому офису, и, находясь внутри, никак нельзя было предположить, что ты не в обычном здании, а на автостоянке. Даже окна имелись. Правда, на поверку они предсказуемо оказались фальшивыми, зато правдоподобно подсвеченными изнутри матовым светом и прикрытыми жалюзи.

Напротив меня, занимая одно из двух кресел в комна-

те, непосредственно примыкавшей к входу и напоминавшей приемную кабинета стоматолога, сидел следователь. Во второе опустилась тетечка. Я же поместился на диване, обитом черным потрескавшимся дерматином.

– Да и что вам за нужда такая? – не унимался я. – Разве перевелись в стране нечистые на руку чиновники, готовые распрощаться с львиной долей богатства, лишь бы не потерять место у кормушки? Да при твоей осведомленности, Михаил Иванович, и таланте нагнать страху можно за год до отказа набить деньгами, скажем... комнату в общежитии. – Он даже глазом не моргнул в ответ на это замечание. – Так зачем же создавать себе лишней геморрой?..

Я замолчал, озадаченный собственным вопросом. Мои собеседники переглянулись и продолжили рассматривать меня.

– Тут дело не только в деньгах, – глядя по очереди то на Григорьева, то на тетечку, задумчиво проговорил я. – Ведь так?!

– Максим Сергеевич, если такие же вопросы придут в голову и остальным, то нам это только на руку, – не опровергая, но и не подтверждая моих догадок, самодовольно заявил Григорьев. – Вам предстоит работа, от которой вы не в силах отказаться. А о причинах, ее требующих, знать не обязательно.

В безупречном своей логичностью и тонким чутьем поведении следователя появилась хорошо заметная мне трещи-

на. Я почувствовал это нутром, хотя и не мог понять причин, равно как и смысла.

– Так не пойдет, – заявил я после недолгого раздумья. – Положим, я взялся за эту работу. Только предположим. Ведь это каким же грандиозным должен быть размах? Чтобы собрать такие деньги, понадобится всколыхнуть всю Россию. Совершенно точно придется привлекать газеты и телевидение, основательно встряхнуть интернет. Кроме того, все, что мы станем говорить, должно будет звучать убедительно, а это уже пахнет какой-то политикой. Мы явно окажемся не на своей территории. – Я вновь замолчал, осмысливая только что сказанное, а потом в упор посмотрел на следователя. – Как долго мне придется жить в ожидании тщательно подстроенного «несчастливого случая»? Повторюсь: при том масштабе, который вы планируете, я убежден в его неизбежности. Так какая разница, убьют ли меня мои бывшие клиенты, после того как ты обнародуешь компромат, или придушат в темной подворотне из-за попытки обелить имя давно умершего вождя? При том, что в первом варианте еще возможны кое-какие оговорки... Ну а уж идея умереть за Сталина мне совершенно не нравится.

Как это ни удивительно, но мои слова вернули лицу следователя обычное выражение безмятежности.

– Вижу, вы всерьез опасаетесь за свою жизнь. – Я утвердительно кивнул. – Естественно, предлагаемая нами работа не так безопасна, как, скажем, шахматный турнир среди

школьников, но вы определенно переоцениваете риски. Скажем так, у нас в распоряжении имеются все необходимые средства, чтобы гарантировать безопасность. А когда все закончится, обязательно найдется способ устроить вам безбедную жизнь в любом месте, каком только пожелаете. Поверьте мне, Максим Сергеевич.

После этих слов я уяснил для себя еще один важный факт: они во мне нуждаются. Совершенно непонятно почему, но очень сильно. Ну что ж... Чего-чего, а заинтересованности выказывать я не собирался.

– Я не пытаюсь уличить вас во лжи, но фактов, которые могли бы подтвердить прозвучавшие гарантии, у меня явно не имеется.

– Это какие такие факты тебе нужны?! – внезапно возмущенно подала голос молчавшая до сих пор тетечка. – Да бандиты твои даже пикнуть не дадут перед тем, как закопают, что бы ты там ни думал! А с нами ты будешь на виду, и по темным подворотням мы тебе гулять не дадим. Ломаться он вздумал!

Ее простодушные слова, несмотря на сумбурность, были логичны и вполне убедительны. Действительно, зачем тешить себя пустыми надеждами: мир, к которому я до недавнего времени принадлежал, перемелет меня и выплюнет, даже не заметив. В противовес этому работа – пусть даже и ради туманной перспективы, но на людей, которые в тебе откровенно нуждаются, – может оказаться единственно воз-

возможным выбором. Знать бы еще, почему они так настойчиво хотят воспользоваться именно моими услугами...

– Маргарита Васильевна права, – кротко вставил Григорьев, заметив и правильно истолковав мою задумчивость. – В одной связке у нас больше шансов добиться успеха. И, если честно, мне ужасно не хочется пускать в оборот те документы.

Я колебался. И причиной тому было отнюдь не только желание выбрать путь, наиболее безопасный для собственной шкуры. Что-то еще, неопределенное, глубоко спрятанное где-то внутри, зашевелилось и внесло неразбериху в логичный по обыкновению ход моих мыслей. Я сидел и молчал, силясь докопаться до причин этого, как вдруг будто бы со стороны услышал свой собственный голос.

– Ладно! Черт с вами, – словно бросаясь в прорубь, проговорил я и даже махнул рукой. – Масштабное и весьма интересное дело нам предстоит проверить.

Следователь позволил себе улыбку облегчения и беззвучно проговорил что-то, едва шевеля губами. Тетечка – Маргарита Васильевна – отреагировала куда менее сдержанно. Я все еще не мог привыкнуть к такой несвойственной ее плотной фигуре стремительности, с которой она выбралась из кресла, подошла ко мне и кинулась обниматься.

– Молодец. Ты сделал правильный выбор.

– Повремените с поздравлениями и не радуйтесь раньше времени, – качал я головой, уже начиная сожалеть о своем

необдуманно данном согласии. – Вы даже не представляете, что нам еще предстоит.

5

Все последовавшее за моим «наймом» время я практически полностью стал проводить в этом гаражном офисе, отлучаясь только по нерешаемым без моего участия делам и на несколько часов по ночам в гостиницу, чтобы поспать да привести себя в порядок. Ввиду колоссальной суммы, которую предстояло собрать, дело нужно было запустить с величайшим размахом и в очень сжатые сроки.

Если говорить вкратце и именно теми терминами, которые в полной мере называют вещи своими именами, то мне предстояло купить солидный участок земли – и не где-нибудь на отшибе, а в непосредственной близости к Кремлю. Неудивительно, что, услышав впервые об этом намерении да еще и узнав, на кой черт им сдалась эта земля, я с таким жаром отказывался. И только когда я, основательно поразмыслив, уяснил себе, что это не реальная цель, а лишь правдоподобная легенда, обладающая именно той долей безумия, благодаря которой она только и может вызвать доверие всех окружающих, все мои противоречивые мысли пришли к общему знаменателю, породив веру в возможность успеха. По хитроумной задумке моих новоиспеченных компаньонов, земля предназначалась для строительства музея И.В. Сталина. После некоторых раздумий я действительно

признал гениальность открытой мне идеи: не было среди наших прошлых и настоящих соотечественников фигуры более любимой (хотя в равной степени и ненавидимой), чем последний генералиссимус. Это, собственно, и предопределяло грандиозные возможности предстоящего мероприятия.

Однако была и вторая причина согласия, хотя и вовсе не очевидная, но едва ли не более значительная, – моя природная тяга к большим делам. Правда, тогда я сам об этом едва ли догадывался, хотя и ощущал временами тоску, с завидной регулярностью наполнявшую душу: уж больно мелкими мне всегда казались мои занятия. Так или иначе, я с жаром принялся за воплощение плана в жизнь.

Подготовка необходимых заявок, создание фондов, открытие счетов, написание договоров, заключение отношений с сотовыми операторами – это лишь часть того, чем мне пришлось заняться. Маргарита Васильевна, которая поступила в мое полное распоряжение, большинство времени находилась в разъездах – так сказать, «придельывала ноги» создаваемым мною бумажкам. И надо отдать ей должное, с этими задачами она великолепно справлялась. Не было случая, чтобы она вернулась, не добившись желаемого результата. Боюсь даже предположить, к каким методам она прибегала. Я искренне удивлялся ее живости и подвижности.

Григорьев тоже не остался в стороне. И хотя личного участия в деле он практически не принимал – работа связывала его по рукам и ногам, – тем не менее пользу при-

носил громадную. В редкие и непродолжительные визиты он буквально наспиговывал меня всякого рода информацией, среди которой имелась статистика, результаты всевозможных опросов и социологических исследований, которые, собственно, и подтолкнули его заняться данной темой. Не знаю (да, если честно, и не хочу знать) его источников, но все, что происходило далее, и прямо, и косвенно ее подтвердило.

Другим видом информации было его практически энциклопедическое знание биографии и трудов Сталина. Григорьев не только снабжал меня ссылками на книги и статьи, но и безудержно сыпал цитатами, которые, казалось, знал на память. Эта вторая категория информации натолкнула меня на мысль о, так сказать, программной части нашего предприятия. В электричке народ всего-навсего клюнул на мою спонтанную, неподготовленную речь. Что-что, а уж выступать на публику я умел в совершенстве: многочисленные судебные заседания даром для меня не прошли. Но в масштабах страны такая тактика явно не годилась. Нам требовалась мощная рекламная акция и широкое освещение в СМИ. Под это еще предстояло разработать проект самого музея и его наполнения. Все нужно было делать правдиво, добротнo, быстро, чтобы нам верили и воспринимали нас всерьез. Вскоре я столкнулся с банальной нехваткой времени, преодолеть которую в одиночку мне представлялось невозможным.

Как только проблема стала для меня очевидной, я подо-

шел с ней к Григорьеву. Он выслушал со своим всегдашним беззаботным видом и спокойненько выдал:

– А кто же вам мешает нанять помощника?

Больше он ничего не сказал, а собрался и ушел по своим делам.

Я принялся соображать, кого можно привлечь. Вся моя карьера была построена на основе одного принципа – доверяй только себе. Повсеместно ему следуя, я собирал вокруг себя хороших исполнителей, не обремененных способностью к глубокому самостоятельному анализу и прочим вредным вольнодумствам. Сейчас такой метод не годился. Мне было необходимо не просто избавиться от рутины, а занять надежного компаньона. Это было гораздо сложнее. После долгих размышлений я пришел к выводу, что среди моих знакомых имеется только один подходящий человек. Взвесив все за и против, отложив все дела, я и отправился к нему на следующее же утро.

– Самохин!?! – Она явно была удивлена. Именно удивление не позволило ей тут же закрыть дверь у меня перед носом. Осознав это, она, не вполне владея собой, спросила:

– Что тебе нужно?

– Мне нужна твоя помощь, – просто ответил я.

Вообще, в отношениях с Галиной лукавить было не то что невозможно, но еще и вредно: она чувствовала ложь издалека. Понимая это, я долго колебался, прежде чем обратиться

к ней.

– Помощь в новом грязном деле? Кого на этот раз ты будешь обкрадывать? Детей? Стариков? Инвалидов?

Я прекрасно понимал, что минимум одна из этих названных категорий и будет основным, так сказать, спонсором, потому с ответом несколько замешкался.

– Вот видишь, – с сожалением в голосе опередила она мой ответ. – Я не буду больше работать на тебя.

И она потянулась, чтобы закрыть дверь, и закрыла бы, если бы я не подставил под нее плечо. Опешив от такой наглости, Галина отступила на шаг и осталась стоять в плотно запахнутом халате на пороге своей маленькой квартирке, хрупкая и женственная, но с глазами злыми и полными отвращения. Руки скрещены на груди. Я окинул ее внимательным взглядом с головы до ног, а потом, собравшись с духом, легонько отодвинул в сторону и прошел внутрь.

– Я, кажется, не приглашала тебя! – раздался ее гневный возглас. – Пошел вон!

– Не кричи, – постаравшись придать своему голосу максимум спокойствия, уверенно сказал я. – Я всего лишь хочу поговорить. – Не дожидаясь реакции, скинул туфли и, быстро осмотревшись, направился туда, где, по моему мнению, должна была располагаться кухня.

К моему удовлетворению, за спиной послышался звук запираемой двери. С направлением я тоже не ошибся. Она в два шага нагнала меня и теперь следовала за мной по пя-

там. Вручив принесенный с собой пакет со всякой всячиной ей в руки, я вымыл свои и принялся хозяйничать. Наполнил чайник и поставил его на плиту, отыскал сковороду; сокрушенно покачав головой, осмотрел содержимое холодильника, вымыл одиноко стоявшую в раковине чашку. Галина все это время с мрачным видом наблюдала за мной.

– Я так и знал, что у тебя в холодильнике шаром покаати. Кстати! Ты не хочешь пойти одеться, пока я готовлю завтрак? – поинтересовался я, забирая у нее пакет, который она все это время так и не выпускала из рук.

Глубоко вздохнув, явно сдерживая клокочущую в ней злость, Галина, постояв еще немного, молча развернулась и вышла. Вскоре из ванной послышался шум воды. Усмехнувшись одними губами, я перевел дух: впервые за долгие годы мне было не по себе от предстоящей лжи.

Когда она вернулась, умытая и более одетая, завтрак уже был на столе. Я невольно остановился и вновь внимательно посмотрел на нее: никогда раньше мне даже не приходило в голову, что моя помощница, всегда собранная, деловая, холодная, может быть такой уютной и простой. Правда, это если не обращать внимания на глаза. Они метали молнии.

– Так зачем же ты приперся ко мне, де еще ни свет ни заря?

– Я же уже сказал: за помощью. Да ты кушай-кушай, оцени мои старания.

Подойдя вплотную, я обошел Галину и осторожно по-

ложил ладони на ее плечи. Она передернула ими, стараясь освободиться, но это не получилось; с чуть большим усилием я направил девушку к столу и усадил за него.

– Врачи категорически не рекомендуют ругаться на голодный желудок, – поведал я шутливо-нравоучительным тоном. – Вот когда позавтракаешь, тогда – пожалуйста.

И убрал руки. Она не подскочила, что дало мне возможность вернуться к прерванному приготовлению чая.

– Сколько сахара? Лимон? Сливки?

– Просто черный кофе. Без сахара.

– Досадно. – Чай отправился в раковину. – Хотя стоило догадаться: чай был слишком далеко спрятан...

– Может, хватит заговаривать мне зубы? Говори, с чем пожаловал.

Поспешно приготовив кофе, я приступил к рассказу. Со всем чуть-чуть отклоняясь от правды, подробно поведал о том, как лишился своей фирмы и имущества. Эти известия вызвали у нее противоречивую реакцию. С одной стороны, было заметно, что она искренне мне сопереживала, а с другой – радовалась справедливости судьбы, о чем не преминула мне заявить.

– Поделом тебе, Максим. Как пришли денежки, так и ушли, – с набитым ртом подвела она итог моим злоключениям.

Потом, когда мой рассказ коснулся сути предстоящей работы, она слушала уже с открытым от изумления ртом (бла-

го, с завтраком было уже покончено). От повышенного внимания мне было несколько сложнее говорить, ведь ей было теперь легче заметить искажение истины, которое состояло лишь в том, что музей я обрисовал как реальную цель, а не только как средство обогащения полицейского-взяточника и способ мне самому уйти от ответственности.

– Таким вот образом меня и поставили в безвыходное положение, чтобы я работал на них, – завершил я свое повествование. – Но одному мне не справиться...

– И ты вспомнил обо мне. – Я утвердительно кивнул. – А ты не вспомнил, как увольнял меня год назад?

– Вспомнил. Поэтому и пришел не сразу, а только тогда, когда не осталось другого выхода. Так что скажешь?

Она молчала слишком долго. За это время я уже успел совсем отчаяться, но виду не подавал.

– То есть ты и вправду считаешь, что я поверю во все это? Видимо, после этих слов скрывать отчаяние у меня больше не вышло. Она внимательно рассматривала меня, и вскоре во взгляде появилось неподдельное удивление.

– Так это правда?

Вместо ответа я только кивнул и опустил глаза.

– Вот что я тебе скажу, Самохин: на сегодняшнее число у меня билет. Я улетаю в отпуск. – Мои плечи независимо от меня опустились точно так же, как незадолго до этого глаза. Заметив это, она, недолго поразмыслив, продолжила медленно и вятно: – Но, в память о старой дружбе и из-за твоей

такой редкой честности, я променяю свой отпуск на помощь тебе.

Я с недоверием поднял на нее взгляд. Она сидела, уставившись в чашку, и покачивала головой – мол, что же я делаю?

– С меня билеты на море, когда все закончится, – горячо заверил я, не зная, что же еще такого сказать.

– Ну-ну...

Появление у нас в стане Галины вывело нашу деятельность на новый уровень. Теперь я смог спокойно поручить ей всю юридическую деятельность, а сам принялся за внедрение идеи, так сказать, в массы.

Стоит отметить, что все необходимые шаги по уходу от налогов и возможности выводить собранные деньги я предпринял заранее и тщательно скрыл все следы. Это на тот случай, если мою вновь обретенную помощницу начнут терзать муки совести.

Она моментально влилась в наш коллектив, словно состояла в нем изначально. В день своего появления, снова холодная и деловая, она больше слушала и осматривалась. Несмотря на очевидную экстравагантность, офис и вся наша немногочисленная компания, судя по всему, произвели на нее хорошее впечатление, и Галина засучив рукава принялась за дело. Вскоре из первичного хаоса начал зарождаться порядок, который волей-неволей всем нам теперь приходи-

лось поддерживать.

Примерно в это же время я начал ясно осознавать, что сам уже не отношусь к фигуре Сталина столь же негативно, как раньше, – даже наоборот, начинаю испытывать к нему какую-то сыновнюю почтительность и уважение. Сложно сказать, явилось ли это результатом изучения поставляемой мне Григорьевым литературы или причина крылась в чем-то другом. Могу сказать только одно: подготавливаясь к ведению предстоящей агрессивной рекламной кампании, я был вынужден свыкаться с ролью защитника и проповедника, а в такой ситуации возникновение симпатии было лишь вопросом времени.

В целом, несмотря на то что раньше благотворительные фонды мне создавать не приходилось, все пошло достаточно гладко. Но ровно до того момента, пока в бумагах не начало фигурировать имя Сталина. Стоило только ему появиться на официальном бланке, как на пути встали невидимые доселе преграды. Там, где у простого народа возникал энтузиазм, бюрократы, созданные словно под копирку, округляли глаза и стремились поскорее отделаться от нас, будто эта фамилия жгла им руки.

В завершение первого месяца наших трудов настал тот день, когда Маргарита Васильевна впервые потерпела неудачу.

– Как только он увидел фамилию, так прямо весь затрясся, – едва переступив порог, начала громогласно причитать

она. – И как только потом я его не уламывала, что только не говорила, а он ни в какую! Деда у меня, говорит, лес валить отправил. Да за дело, поди, и отправил! Подлюка! – Кому было адресовано ругательство, понять было невозможно. То ли деду чиновника, то ли ему самому.

– Значит, в проведении благотворительного концерта нам отказали... – подытожил я.

– Ага.

– Придется готовить сбор подписей в его поддержку. Мы этого отказника по-другому одолеем, – подала голос Галина, легко и своевременно на корню разрядив начавшую было зарождаться упадочническую атмосферу.

– Правильно! Только прежде нужно запустить рекламную кампанию.

Но развить эту тему мне не дал громоподобный стук в ворота. Мы втроем – Григорьева не было – вопросительно переглянулись, и я отправился открывать. Как только лязгнули засов, дверь стремительно распахнулась, едва не сбив меня с ног. В комнату молниеносно ворвались люди в масках и с автоматами в руках. Практически сразу я все равно оказался на полу, только уже с их помощью. За моей спиной охнула Маргарита Васильевна. Галина сохранила молчание.

– Не сопротивляйтесь! – крикнул я им и сам тоже последовал своему совету.

В голове сразу же пронеслись две наиболее вероятные догадки о том, кто же это может быть. Первую, состоявшую в

том, что нас банально грабят, я отмел сразу же: мою голову бесцеремонно за волосы оторвали от пола и ткнули прямо в нос какие-то бумаги. Прочсть их я, естественно, не успел, но правдивость второго предположения стала очевидной. К нам заявила первая, но, как мне кажется, далеко не последняя проверка.

6

Небольшой, вытянутый в длину кабинет сквозь незанавешенные окна практически на всю длину пронзали косые снопы вечернего солнечного света, в которых плясали ярко освещенные пылинки. Молчаливые люди, все так же не снимая масок, завели меня сюда и усадили на стул возле одного из двух письменных столов. За вторым какой-то хмурый дядька флегматично что-то печатал. Не могу с уверенностью сказать, был ли человек, вскоре занявший место хозяина стола, за которым сидел я, среди тех, кто обыскивал наш гаражный офис, но бисеринки пота, предательски видневшиеся под коротким ежиком волос, весьма красноречиво намекали на недавно снятую с головы маску. Покопавшись несколько минут в бумагах из принесенной с собой папки, он как-то резко захлопнул ее, отбросил на край стола и вопросительно уставился на меня.

– Скажите, Максим Сергеевич, а вы правда затеяли музей Сталина построить?

– Разве это не ясно видно из тех документов, которые вы

изъяли? – спросил я, высокомерно вскинув бровь.

Мерные удары по клавишам из-за соседнего стола стали происходить гораздо реже – вопрос, видимо, показался интересен не только моему собеседнику.

– Ну зачем же вы так? – укоризненно покачал головой собеседник. – Может, я вам помочь хочу.

– Если так, то у вас весьма интересный способ оказывать помощь. Что нам инкриминируется?

Он коротко ответил:

– Возбуждение ненависти либо вражды. Двести восемьдесят вторая.

– Я так и думал.

– Я так и думал?! – Было заметно, что он едва сдерживается. – Да ты хоть понимаешь, что можешь легко загреть за решетку? Вот скажи мне, с какой стати тебе, успешному дорогому юристу, приспичило бросить все и заняться этой авантюрой?

Я промолчал со спокойным видом: сценарий этого разговора был продуман мною заранее в мельчайших подробностях. Сейчас, например, после первого проявления чувств, мне следовало выждать, чтобы определить личное отношение моего интервьюера к данной теме. Ждать пришлось недолго.

– Пойми, Самохин, не дадут вам этого сделать. Время нынче не то...

Теперь все окончательно стало на свои места, и дальше

мне можно было не опасаться.

– А может, пора его уже делать тем самым, а не сидеть и ждать, пока все само изменится? – все-таки не выдержал я.

– Разжигание розни – это не обвинение в махинациях. Это серьезно, – всплеснул он руками. – Тут откупиться не получится.

После этих слов на некоторое время воцарилось молчание. Мне уже было совершенно ясно, что наша возрастающая активность стала кому-то поперек горла и этот кто-то, используя столь устрашающие методы, решил наставить нас на путь истинный. Но вся соль состояла в том, что даже человек, призванный меня напугать, по всей видимости, оказался на моей стороне. Это было ясно как божий день. Собеседник явно не поддерживал тот приказ, который приходилось выполнять. Да и обвинить нас было действительно не в чем. Взвесив все за и против, я решился задать ему один вопрос, который должен был положить конец этой беседе.

– Вот знаете, что мне остается непонятным? Почему Ельцин-центр рознь не разжигает, а музей Сталина непременно это делает? А?

Мой расчет оказался верным. Несколько мгновений на лице собеседника отражалась борьба, впрочем не очень яростная, между приказом и личным мировоззрением. Личные мотивы одержали верх. Он поднялся, давая понять, что разговор окончен, и протянул мне руку, которую я крепко пожал.

– Ох и трудный же путь вы для себя избрали. . . – проговорил он, с сожалением и уважением качая головой. Но потом, не отпуская моей руки, добавил казенным голосом: – Желая вам больше со мной не встречаться при подобных обстоятельствах.

И все. Дальше, предъявив на проходной врученную мне на прощание собеседником бумажку, никем не задерживаемый, я спокойно вышел на улицу и легкой походкой направился к входу в метро.

Вереницы встречных прохожих, хмурых и веселых, сосредоточенных и рассеянных, живущих каждый в своем маленьком мирке и одновременно являющихся частью одной могучей страны, мало-помалу избавили меня от воинственного настроения, владевшего мной на протяжении всего недавнего времени, и направили поток мыслей в несколько иное русло. Трясаясь в душном вагоне метро, я впервые, наверное, всерьез задумался о смысле происходящего.

К чему я приду в конце этой истории? Сегодняшние события совершенно точно показали, что выйти сухим из воды у меня нет ни единого шанса. Слишком большой размах – кажется, так я пытался вразумить Григорьева в самом начале. Но то, что я тогда понимал лишь умом, сейчас пришло ко мне с полным осознанием. Вопрос теперь стоял так: смогу ли я опуститься до состояния мерзкой топкой грязи, прикарманив деньги вкупе с чужими надеждами, предназначавшиеся для великой цели, тем самым бесповоротно покончив с нею?

Смогу ли, фактически втоптав в грязь предательством едва ли не самый важный символ величия своего народа, окончательно встать в один ряд с теми нелюдями, которые пируют прямо на трупе страны, их породившей? И этот вопрос остался открытым. Причем сейчас я ясно осознал, что не вижу особой разницы, сбегу ли я, прихватив с собой все собранные средства, или передам их, пусть даже и не оставив себе ни крохи, в руки алчного Григорьева, – в любом случае это будет моим концом. Как человека и как личности.

Безответным, к слову сказать, был не один этот вопрос. Только что мне был предоставлен уникальный шанс вообще покончить со своим участием в этом деле, попутно поквитавшись с глубокоуважаемым Михаилом Ивановичем. Более благоприятного случая ждать было просто глупо: осмотрительности ради, я все-таки сумел обзавестись кое-какими доказательствами нечистоплотности вышеозначенного господина, и сейчас была реальная возможность выложить все карты на стол. В надежном месте, устроенном без участия свидетелей, была припрятана флешечка с записями наших с ним бесед, в которых следователь раскрывал свою злонамеренность и, похваляясь, каялся в некоторых прошлых деяниях. Одним словом, у меня был шанс побороть этого вымогателя законным способом и без особого риска для собственной шкуры. Единственное, что мне требовалось сделать, – это чистосердечно обо всем рассказать. Так почему же я не воспользовался сейчас представившимся шансом? Более то-

го, почему я не воспользовался доказательствами раньше? Хорошие вопросы. Может, потому, что, поработав с Григорьевым бок о бок некоторое время, я перестал его бояться и, уж конечно, более не считал всесильным, а потом и вовсе вознамерился единолично сорвать весь куш по завершении дела? Не знаю. Наверное, еще пару недель назад я бы моментально воспользовался таким шикарным стечением обстоятельств, но сейчас сидел и молчал, незримо сдерживаемый с одной стороны деятельной пенсионеркой, слепо доверявшей Григорьеву, а с другой – женщиной, сумевшей переступить через обиду и вновь поверить уже мне самому. Сидел и так и не мог что-то предпринять.

Скорее всего, из-за этих вот вопросов, прямо сказать разрывавших душу на куски, я и не поехал напрямик обратно в нашу контору, а направился было к месту тайника: этот злополучный компромат на Григорьева буквально жег руки, и мне нестерпимо захотелось во что бы то ни стало от него избавиться. Были это муки совести или причина заключалась в банальном желании проверить, на месте ли еще флешка, – я так тогда и не понял, но, уже переходя на нужную мне ветку метро, остановился как вкопанный. Ввиду того что произошло это в самой гуще достаточно плотного потока людей, пингвиньей походкой продвигавшихся к эскалатору, на меня сразу же налетел кто-то сзади, слышались приглушенные ругательства. Не обращая на это внимания, я, озираясь вокруг, развернулся и стал пробираться в обратную сторо-

ну. Только сейчас ко мне пришло понимание всей той глупости, которую я едва не совершил. В свете последних событий очень даже возможно, что за мной ведется слежка, а я сам едва не привел ее к единственному имеющемуся доказательству нашей нечистоплотной игры. Вовремя спохватился, ничего не скажешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.